

5. Кривенков, Н. С., Бабаян, В. Н. Иноязычные заимствования как один из основных способов пополнения военной, политической и технической терминологии современного русского языка через призму перевода. Семьдесят третья всероссийская научно-техническая конференция студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием. 20 апреля 2020 г., Ярославль: сб. материалов конф. В 2 ч. Ч. 1. — Ярославль: Издательство ЯГТУ, 2020. — С. 826-831.
6. Ле А. Аббревиация как способ словообразования в русской военной терминологии (на материале текстов СМИ) // Филология: научные исследования. — 2019. — № 3. — Режим доступа: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30193

Поступила в редакцию 20.08.2025. г.

R. I. Atabieva

ANALYSIS OF LEXICAL INNOVATIONS: LEARNING NEW WORDS AND EXPRESSIONS IN MILITARY RUSSIAN, THEIR SOURCES AND FUNCTIONAL FEATURES

In the context of the rapid development of military technologies, the changing nature of military conflicts and the globalization of military cooperation, the lexical composition of the military language is actively replenished with new words and expressions. Lexical innovations in military Russian are an important object of linguistic research, as they not only capture new realities, but also demonstrate the mechanisms of language adaptation to changing conditions. The study and analysis of lexical innovations in military discourse is an urgent task, since it allows not only to capture new linguistic phenomena, but also to understand their role in communication, as well as to identify mechanisms for adapting language to changing conditions.

Key words: *military language, lexical innovations, military discourse, military terminology, borrowings, word formation, abbreviation*

Атабиева Роксана Ислмовна.

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, РФ.

Аспирант.

E-mail: tokhova.roxana@yandex.ru

Atabieva Roxana Islamovna.

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, RF.
Graduate student.

E-mail: tokhova.roxana@yandex.ru

Кремшокалова Марина Чафленовна.

Кандидат филологических наук.

Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик, РФ.

Доцент кафедры русского языка.

E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

Kremshokalova Marina Chaflenovna.

Candidate of Philology.

Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, RF.
Associate Professor of the Department of Russian Language.

E-mail: marina_kremshokalova@mail.ru

УДК 81'374

DOI: 10.5281/zenodo.18037553

A. P. Кулакова © 2025

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт лингвистических исследований Российской академии наук
(Научн. рук. — канд. филол. наук Д. В. Салмина)*

КОНЦЕПТ *БОЛЕЗНЬ* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье исследуется концепт *болезнь* в русской языковой картине мира, его эволюцию и трансформацию. *Болезнь* рассматривается как физиологическое и метафорическое явление, отражающее изменения в обществе, науке и культуре. Особое внимание уделено влиянию эпидемий и пандемий на восприятие концепта. Анализ языковых единиц в толковых, исторических, ассоциативных и фразеологических словарях позволяет проследить динамику языковых изменений. Рассмотрены неологизмы, связанные с микроконцептами *дом*, *обман* и *маска*, возникшие в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: *концепт, языковая картина мира, лексикография, толковые словари, словари новых слов, неологизмы, фразеологизмы.*

Концепт *болезнь*, отражающий состояние недуга и страдания, является одним из ключевых в языке и культуре. Его восприятие менялось на протяжении веков в связи с развитием общества, науки и философской мысли. Цель статьи — проследить динамику представлений о болезни: от физиологического состояния, вызванного патогенными факторами, до метафорического осмысления, при котором болезнь становится символом разрушения или дисфункции. Особое внимание уделяется влиянию социальных изменений, таких как эпидемии и пандемии, которые приносят новые смысловые оттенки в восприятие этого явления.

Термин «концепт» интерпретируется лингвистами различным образом, что обуславливает необходимость его определения в рамках статьи. В. И. Карасик предлагает понимать под «концептом»: «...многомерные смысловые образования, являющиеся точками пересечения ментального мира человека и мира культуры» [11, с. 4]. Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [24, с. 42]. Актуальным в рамках данной статьи является определение концепта, предложенное Е. В. Сергеевой: «Концепт — это ментальное образование, присутствующее в языковом сознании, прошедшее процесс означивания, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованное лексическими единицами языка» [22, с. 1]. Инвариантное значение — это ядро концепта, которое остаётся неизменным при определённых изменениях. В случае концепта *болезнь* его основное значение сохраняется на протяжении времени, однако его структура, ассоциативно-семантическое поле, меняется, отражая динамику восприятия явления.

В статье последовательно исследуются данные различных типов словарей. Толковые словари позволяют выявить основные значения лексемы и семантически связанных слов. Исторические — помогают проследить эволюцию концепта в разные периоды развития языка, отражая изменения в его восприятии. Ассоциативные словари дают возможность изучить ассоциативно-семантическое поле, связанное с концептом, а фразеологические — демонстрируют устойчивые выражения, которые отражают культурное и эмоциональное восприятие *болезни*.

Толковые словари играют ключевую роль в изучении концепта, поскольку, как отметил Ю. Д. Апресян, «задача лексикографа состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях слов и отразить её в системе толкований» [2, с. 57]. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, многие исследователи считают памятником идеологии тоталитарного государства. Этот словарь построен на оппозиции «свой — чужой» с использованием таких операторов, как «капиталистический», «революционный» и др. Выбор иллюстративного материала в нём обусловлен идеологическим фактором.

Болезнь, и, ж. 1. Расстройство здоровья, недуг, хворь. <...> 2. перен. Уклонение от нормы, расстройство чего-н. <...> Болезнь роста — ненормальное явление, объясняемое ростом организма физического или общественного.

При толковании устойчивого сочетания *болезнь роста* используется конструкция *ненормальное явление*, в то время как в более поздних словарях оно толкуется как *трудности* или *временные трудности*. Следует выделить и отглагольное существительное *уклонение*, описывающее болезнь в переносном смысле. В последующих лексикографических трудах та же семема будет описываться через существительное *отклонение*. Первая лексема имеет негативную коннотацию (**Уклониться**. \diamond Перестать придерживаться чего-л., отклониться, отойти от чего-л. первоначального, главного, **правильного**), в отличие от второй (**Отклониться** \diamond Двигаясь, переместиться в сторону от первоначального направления) [БТС]. Так,

болезни общества в 30-е годы воспринимаются в словаре как целенаправленное вредительство, намеренное отклонение от нормы, истины.

Объёмное толкование, не имеющее идеологического компонента, представлено в «Большом толковом словаре современного русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТС).

БОЛЕЗНЬ, -и; ж. 1. Конкретное заболевание, нарушающее деятельность организма (или его отдельных органов) <...> Освобождён от работы по болезни <...> Морская б. <...> Падучая б. (устар.; эпилепсия). Сахарная б. (сахарный диабет). <...> 2. Разрушение, повреждение чего-л. Болезни камня, бумаги. 3. Отклонение от нормы в чём-л.; отрицательное качество, свойство. Скупость — б. старости. Нигилизм — б. века. <...> Желчнокаменная болезнь <...>.

Данное толкование демонстрирует две стороны *болезни*. С одной стороны, это может быть временное состояние, вызванное внешними обстоятельствами, например, *морская болезнь*. С другой, это хроническое и неизлечимое состояние человека — *падучая болезнь, сахарная болезнь* и т. д.

«Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Складневской описывает лексику одного из сложных и противоречивых моментов истории русского языка (1985–1997). Лексема *больной*, представленная в словаре, находится под графическим знаком «новое значение; первая словарная фиксация». Пометы указывают на принадлежность этого слова к публицистическому стилю и очевидную актуальность его использования в период социально-политических перемен.

Больной <...> Перен. Публ. Находящийся в упадке, в глубоком кризисе (об экономике, обществе и т. п.) <...>.

В словаре также представлены как новые слова *ВИЧ-инфицированный* и *спидовед*, как относительно новые — *ВИЧ, ВИЧ-инфекция, СПИД, спидовый*. Это гнездо свидетельствует о том, что проблема СПИДА была актуальной для общества того времени. Динамика концепта *болезнь* демонстрирует переход от ассоциации *болезнь* — *СПИД* к ассоциации *болезнь* — *коронавирус*, что будет продемонстрировано далее.

Анализ материалов толковых словарей не представлялся бы возможным без обращения к «Активному словарю русского языка» под ред. Ю. Д. Апресяна.

БОЛЕЗНЬ <...> У него целый букет болезней <...>. 1. Образные употребления применительно к ненормальному состоянию душевного мира человека: Любовь, это такая болезнь воли (М. Головановская) <...>. 2. Образные употребления применительно к ненормальному состоянию какой-либо сферы человеческой жизни или деятельности: болезнь века <...>. Существование и протекание болезни: <...> Болезнь затаилась <...>. устар. дурная <нехорошая> болезнь «венерическая болезнь» <...>

Переносное значение лексемы впервые выносится как отдельная семема, демонстрируя антропоцентризм словаря. В словарной статье обнаруживается словосочетание *букет болезней*. Эта метафора демонстрирует противоположные возможности сочетаемости поля «цветение». С одной стороны, болезни могут быть в таком большом количестве, что *цветут как букет*, с другой стороны, здоровый человек *цветет и дышит*, что будет показано далее на материале фразеологических словарей. Раздел «протекание болезни» содержит речение, указывающее на её персонификацию: *болезнь, затаилась*. Болезнь также может вызывать чувство стыда, что способствует созданию эвфемизмов: *дурная болезнь = венерическая болезнь*.

Рассмотрим исторические словари. В «Словаре Академии Российской» можно обнаружить ещё одну грань понимания *болезни*. Гнездовой принцип составления Словаря Академии Российской позволяет проследить за деривационным потенциалом лексемы *боль*, производящей к *болезни*. Элементы гнезда *соболезнование* и *сердобolie* вербализуют идею сопряжённости боли физической и душевной.

Следующим словарём был выбран «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Искомая лексема обнаруживается в гнезде *боль*. И в Словаре Даля, и в САР лексемы *боль* и *болезнь* являются синонимами.

БОЛЬ ж. болезнь <...> Боль врача *ищет*. || Самое чувство, телесное страдание. <...> **грызучая (грызь)** <...> || ***Чувство горя, истомы, страданий душевных; скорбь, грусть, тоска, кручина** <...> || Новг. вор. орл. об. больной человек, хворый, недужный, особенно роженица. <...>. **Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит.** <...> Нищий болезней *ищет*, а к богатому они сами *идут*. <...> Болеусыпный.

Даль выделяет дуальность *болезни* — её телесное и духовное проявления. Отражена и важность сострадания больному в русской культуре, для которой характерны соборность и милосердие: «*Не тот болен, кто лежит, а тот, кто у боли (над болью) сидит*». *Болезни* характерна персонификация, она воспринимается как некий враг. Так, *болезнь грызёт* человека, *идёт* к нему, *ищет*. Слово *болеусыпный* в своей внутренней форме несёт понимание того, что болезнь можно усыпить, как зверя. В подобных случаях, очевидно, происходит расширение синтагматики лексемы.

Ассоциативные словари отражают сознание общества в период проведения ассоциативного эксперимента. Благодаря этому типу словарных изданий можно рассмотреть тезаурус носителей языка определённой эпохи. Одно из наиболее фундаментальных изданий такого типа — «Русский ассоциативный словарь». Реакции на слово-стимул *болезнь* подтверждают её персонификацию. Это реакции: *враг, коварная*. Среди реакций можно выделить поле «эмоции», ядром которого становится лексема *тяжелая*. Близкими к ядру реакциями будут *горе, страшная, плохо, несчастье, опасная, сильная, страх*. Менее частотные реакции: *серьёзная, проклятая, мука, изнурительная, противная, ужас, неумолимая, противная, страдание, утрата*. Все они имеют негативную коннотацию. Реакции *друга, бабушка, отца* подтверждают, что частью концепта становится сострадание, сопереживание близкому. Для языкового сознания человека эпохи «перестройки» характерна реакция *СПИД*, а также *болезнь века* — *СПИД*. Необходимо выделить реакцию *любовь*. Концептуальная связь *болезни* и *любви* может рассматриваться с разных сторон. С одной стороны, *любовь* — *болезнь*, потому что она «заражает человека», нарушает его привычную жизнедеятельность. Подтвердить это могут примеры, найденные в НКРЯ.

Постепенно он убеждается, что он, очевидно, заболел «любовью» [Е. И. Замятин. Д-503 (1932)]

— Пройдёт! Любовь — болезнь излечимая. [Максим Горький. Трое (1901)]

Любовь есть болезнь: лихорадочное состояние тела, производящее помрачение в уме. [Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин (1829)]

С другой стороны, *любовь* также может излечить *болезнь*: «Одна любовь может вылечить болезнь твою...» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия (1847)]

«Славянский ассоциативный словарь» (САС) основан на концепции и методике РАС. В статье *больной* многие ядерные реакции повторяются, поскольку они будут стандартными вне зависимости от времени. Сохранившей относительную частоту становится реакция *СПИД*, поскольку эта проблема остается актуальной и в конце девяностых годов. Прослеживается динамика в периферийных реакциях. Наблюдается увеличение частоты реакций с семантикой болезней душевных, психических. Если в РАС обнаруживается лишь 5 реакций, связанных с этой темой (*голова, головы, душевная, нервная, ума*), то в САС таких реакций уже 13 (*на голову, псих, ум, головой, безбашенный, дурдом, дурной, душевная, придурок, психушка, с головой, сумасшедший, шизофрения*). Всплеск психических заболеваний характерен для эпохи перемен, времени экономических кризисов, нестабильной ситуации в стране — конец девяностых годов был именно таким временем.

Уникальная в этом словаре реакция *жёлтый*. Жёлтый цвет в романах Достоевского является одним из наиболее значимых символов. Этот цвет часто ассоциируется с болезнью, страхом, отчаянием и смертью. В романе «Преступление и наказание» жёлтый цвет появляется при описании комнаты старухи-процентщицы: «*жёлтая, мрачная, низкая, душная, как могила*». Он создаёт атмосферу страха и отчаяния, которые сопровождают Раскольникова во время его преступления [10, с. 3]. В романе «Бесы» жёлтый цвет также играет важную роль. Он является символом болезненности героя, например, Варвары Ставрогиной: «...*это была высокая, жёлтая, костлявая женщина...*» [17, с. 173]. Слово-стимул *жёлтый* в РАС вызывает следующие негативные реакции, связанные с расстройством здоровья: *больной, гепатит, ядовитый, цвет кожи*. Следует отметить, что эти реакции являются периферийными. Тесная связь концептов *болезнь* и *здоровье* приводит к общности их элементов. Жёлтые и зелёные оттенки характерны для хроматического слоя обоих концептов. Это обусловлено и тем, что более насыщенные оттенки жёлтой части спектра, по всей видимости, связаны с тем, что в обыденном сознании здоровье ассоциируется также с силой, энергией, счастьем, которые в русской культуре соотносятся с солнцем, светом, огнём. Хроматический слой концепта *болезнь* содержит те же оттенки, но со значительным сдвигом в сторону тёмных оттенков, ассоциативно связанных с разложением, распадом и процессами разрушения [8, с. 4].

Выше внимание уже было обращено в область фразеологии в широком понимании посредством обращения к словарю Даля и Словарю Академии Российской, однако следует рассмотреть аспектные словари идиоматики. Как справедливо отмечает В. Д. Черняк, «соединение собственно лингвистического и лингвокультурологического знания воплощается, прежде всего, в словарях фразеологических, особенно ярко представляющих особенности национальной языковой картины мира» [28, с. 2]. Можно выделить несколько тематических блоков фразеологизмов, формирующих структуру концепта *болезнь*.

Первым следует обозначить блок, связанный с **профилактикой болезней**. В работе В. И. Даля «Пословицы русского народа» присутствуют фразеологизмы, в которых утверждается польза хлеба для здоровья: «*Хлеб да вода — здоровая еда*». Национальная специфичность подобных методов осмысляется в фразеологизме: «*Что русскому здорово, то немцу смерть*». В этой же работе выделяются пословицы, посвящённые пользе других пищевых продуктов: «*Лук семь недугов лечит*»; «*Хрен да редька, лук да капуста — лихого не попустят*». Однако отмечается и необходимость в умеренном потреблении пищи и самоограничении: «*Где пиры да чаи, там и немочи*»; «*Не ешь масляно: ослепнешь*». К национально-специфичным методам относятся баня и закаливание: «*Баня — мать вторая*»; «*Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле!*».

Особой чертой русской ЯКМ можно назвать сочетание язычества и православия. С помощью магических обрядов, основанных на специальных действиях с произнесением малых фольклорных текстов, происходили профилактика заболеваний или их излечение: «*Кто утром в Великий четверг скупается прежде ворона, здоров будет*»; «*Проповедовал Иоанн истину в сухом древе и в воде; был я в поле, видел мертвых: у мертвых зубы не болят; так и у раба бы N. не болели (заговор от зубной боли)*».

Следующий тематический блок, характерный для концепта *болезнь* — это **причины заболевания**. В «Большом словаре русских пословиц. Около 70 000 выражений» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной содержатся пословицы, которые демонстрируют, что для русской ЯКМ характерно восприятие работы как причины болезни: «*От [крестьянской] работы не будешь богат, а будешь горбат*»; «*От работы живот недалеко живёт*»; «*От работы кони дохнут*».

Третий тематический блок связан с **отношением человека к врачам**. Именно эта сторона концепта *болезнь* не подвергается динамике с развитием языка и становится

наиболее актуальной в период пандемии коронавируса. Понятие *врач* в русской ЯКМ обретает негативную окраску. Истоки этого, возможно, кроются уже в этимологии слова, поскольку лексемы «врач» и «врать» являются этимонимами. Врач воспринимается как необразованный, корыстный, незаинтересованный в выздоровлении больного человек, которому выгодно долго и неэффективно лечить человека, чтобы получить материальную выгоду. Это же недоверие касается и лекарств, выписываемых врачами. Для русского человека характерна идея того, что здоровье дается свыше, если человек им не обладает по своей природе, то лекарь ему не поможет. В этой идее отражается и фатализм русского характера, и осознание собственной ничтожности перед высшими силами, богом, и надежда на «русский авось», который также является характерным и уникальным концептом для русской ЯКМ и «выражает излишнюю беспечность и пониженную активность русского человека» [13, с. 770].

В работе В. И. Даля обнаруживаются следующие материалы: «*Не дал бог здоровья — не даст и лекарь*»; «*Не лечит аптека — калечит*»; «*Полечат, авось даст бог и помрет*»; «*Лекарь свой карман лечит*»; «*Где много лекарей, там много и больных (и недугов)*» и другие. Встречаются пословицы и поговорки, демонстрирующие, что здоровье представляется наивысшей ценностью: «*Здоровье всего дороже*»; «*Здоровье дороже богатства*»; «*Деньги — медь, одежда — тлен, а здоровье — всего дороже*».

Здесь также можно обнаружить специфический для русской культуры зооморфный код. Здоровый человек сравнивается с крупным скотом. Такое сравнение может быть объяснено физической силой этих животных, размером, а также их важностью в жизни крестьянина, скот воспринимался как кормилец, потому его физическому здоровью уделяется особое внимание: *Здоров, как бык, как боров*.

Болезнь в русской культуре ассоциируется с изменением формы тела, уподоблению человека крюку, дуге. Здоровый душой и телом человек, имеющий внутренний стержень, стремится к вертикали. Вертикаль связана с мотивом «верха», поскольку на вершине скрывается божественный мир, а человек создан по образу и подобию бога [7, с. 7]. Здесь кроется не только специфика русского сознания, но и античная традиция, и общехристианская. Вертикаль прослеживается в архитектурных традициях, шпилях храмов, стелах и обелисках. Этот же мотив характерен для творчества М. В. Ломоносова: «*Восторг внезапный ум пленил, / Ведет на верх горы высокой...*». *Болезнь* нарушает вертикаль, устремляет взор человека к земному, к низкому: «*Барского слугу стало гнуть в дугу*»; «*В крюк свело, согнуло, скорчило*»; «*Уходила, умучила, согнула да скрючила (болезнь, лихорадка)*».

В словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии» обнаружены единицы, основанные на метафорах *горения* и *цветения*. *Здоровье* в русской ЯКМ связано с пламенем, огнём, что также упоминалось выше при описании цветового аспекта концептов *болезнь* и *здоровье*. Связь огня с избавлением от болезни может объясняться мировоззрением славян. Огонь считался очищающей стихией, способной выжигать болезни: «*Древним славянским обрядом, сохранившимся почти до наших дней, было возжигание «живого огня» и его употребление как средства против эпизоотии — повальных болезней и мора скота*» [27, с. 7]. Цветение связано со здоровьем, поскольку это процесс, связан с *воскрешением* после долгой зимы-смерти, обретением силы, благоуханием и ростом.

«*пышет здоровьем (иноск.) — отличается видом очень здорового человека (пышущего, т.е. сильно дышащего или краснощекого, — со щеками, пышущими как огонь) ...*» / «*цветсти (иноск.) — процветать, преуспевать Ср. Цветсти здоровьем, красотой. Ср. Цветущее здоровье...*» [Русская мысль и речь. Свое и чужое].

Словарь «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко — это первое собрание русских антипословиц. Так называют современные версии известных

пословиц и новые выражения, похожие на пословицы, которые возникли в современной России [12, с. 170]. Словарный материал демонстрирует, что скептическое отношение русского человека к врачам не подвергается динамике и проходит сквозь века. Врач всё также воспринимается как корыстный непрофессионал, а *болезнь* — это причина крупных финансовых трат: «Заработал болезнь — зарабатывай на лечение»; «Не так страшна порой болезнь, как ее малюет врач, которого мучает жажда наживы»; «Время лечит, но за деньги быстрее»; «Не набивайте цену лекарствам, они и так сильно бьют по карманам»; «Иное лекарство похоже на динамит, который подрывает здоровье»; «Не умирайте от диагноза: он может еще не подтвердиться»; «Больной нуждается в уходе врача. И чем дальше то уйдет, тем лучше».

Динамике не подвергаются метафоризация и переносное понимание *болезни* как отклонения от нормы в различных сферах, которое выражается в виде языковой игры и используется в публицистическом дискурсе. Оно типично для каждой эпохи: «коррупция — болезнь грязных рук / как человеку, так и в государстве опаснее всего та болезнь, которая начинается с головы». Подобная языковая игра частотна в текстах газетных статей. Примеры функционирования лексемы *болезнь* в переносном значении в этом дискурсе были найдены в НКРЯ:

Проблемы, с которыми сталкивается социалистическое содружество, имеют мало общего с болезнями современного капитализма: застоём и падением производства, нарастающей инфляцией и безработицей. [МИР СОЦИАЛИЗМА. СЭВ: стратегия на восьмидесятые // Аргументы и факты, 1983.01.19]

Советофобия — старая американская политическая болезнь. [ТРЕЗВЫЙ ГОЛОС. Американский профессор о «советофобии» в США // Аргументы и факты, 1983.06.07]

Стремительный её [преступности] рост называют внутренней болезнью общества. Болезнь эта неизлечима и прогрессирует. [ЛИЦО «СВОБОДНОГО» МИРА. США: культ насилия // Аргументы и факты, 1983.12.27]

Все хронические болезни — массовая безработица, инфляция, бюджетные дефициты и т. п. — достигали колоссальных масштабов. [ЗА СТРОКОЙ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИХ ДОКУМЕНТОВ. Современный мир: борьба сил прогресса и реакции // Аргументы и факты, 1986.02.11]

Все эти меры ... направлены не только на оптимизацию работы городского правительства, но и на борьбу с главной чиновничьей «болезнью» — коррупцией. [Илья Королев. Полтавченко начал борьбу с коррупцией // Известия, 06.06.2012]

Круг замкнулся, политические задачи свернулись в бюрократическое колесо, и покатилося оно по дороге в никуда. Это российская болезнь, так прекрасно диагностированная Чеховым: чего только не делается ненужного, вздорного — и это потому, что совсем не делается нужного. [Почему Путину стоит работать поменьше // Ведомости, 2019.12.01]

Дмитрий Песков назвал инфляцию не только большой головной болью правительства, но и болезнью, от которой страдает весь мир. [В Кремле считают инфляцию болезнью мирового масштаба // Парламентская газета, 2021.12.26]

Перечисленные примеры подтверждают тезис о том, что для каждого времени характерны «болезни века». В СССР писали о *болезнях* капиталистического общества. *Болезни* России — инфляция, падение валютного курса, безработица, бюрократия, коррупция.

Помимо этого, объектом внимания данного словаря становится тема самолечения, которое воспринимается как негативное явление: «тот, кто лечится по медицинскому справочнику, рискует умереть от опечатки».

В русской ЯКМ *болезнь* не всегда обладает лишь отрицательными свойствами, в некоторых случаях возможно её позитивное восприятие, связанное с возможностью

избежать работы, вызвать чувство жалости. С одной стороны, в этом аспекте концепта *болезнь* выражается юмористическая сторона русского сознания: «*Болезнь — мигрень: есть охота, а работать лень*»; «*Все болезни от нервов, только венерические — от любви*»; «*Хорошая болезнь склероз: ничего не помнишь и каждый день новости*». С другой стороны, она причиняет человеку не только страдания, а, оказывается, ещё и удобной, выгодной. Это способ обратить на себя внимание, быть услышанным, вызвать жалость, то есть чувство важное и понятное русскому человеку, свойственное его христианскому жертвенному мировосприятию. И. Б. Левонтина в сборнике эссе «Азбучные истины», составленном М. К. Головановской, справедливо отмечает, что «жалость — одна из самых непосредственных и в то же время одна из самых сильных культурных эмоций, описываемых русским языком» [9, с. 12]. Жалость, в том числе к больному, может быть сопоставима с любовью, что иллюстрируется в романе Ф. М. Достоевского «Идиот», в котором князь Мышкин говорит: «*Я ведь тебе уж и прежде растолковал, что я её «не любовью люблю, а жалостью»*». Мотив *болезни-удовольствия* встречается и в повести «Записки из подполья», в котором герою-парадоксалисту с «подпольным сознанием» физическая боль может приносить «*наслаждение, доходящее иногда до высшего сладострастия*». Этот аспект концепта раскрывается и в рассказе А. П. Чехова, который, несомненно, был тесно связан с медициной, «Рассказ неизвестного человека»: «*Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления как праздника*».

Обратимся к словарю новых слов — «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», который представляет собой уникальное собрание слов и выражений, появившихся или актуализировавшихся в русском языке в период пандемии COVID-19. Словарь демонстрирует, что периферийные зоны концепта *болезнь* актуализируются, его ядерными элементами становятся лексемы и выражения, семантически ранее никак не связанные с ним. Следует рассмотреть три таких зоны, три микроконцепта, формирующих *болезнь* в современном русском языке. В связи с пандемией коронавируса актуализировалось лексико-семантическое поле «дом/жилище». Безусловно, и ранее *болезнь* в русском сознании была связана с пребыванием дома и, в частности, с постелью, что демонстрируют, например, тексты художественных произведений и публицистика, найденные с помощью НКРЯ:

Эпидемическая **болезнь**, которую называют гриппом, многих засадила **дома**. [А. В. Никитенко. Дневник (1833)]

Я отвечал изъявлением совершенной радости исполнить желание их, но вместе с тем извинялся, что по **болезни** не могу выйти из **дому**. [Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии (1844)]

Я был очень связан взаимной любовью и, я бы сказал, дружбой с родителями, особенно с матерью, которая с 36-летнего возраста была прикована **болезнью** к **постели** (оставаясь душой семьи, дома и круга друзей). [Е. М. Мелетинский. Моя война (1971–1975)]

О связи постели и болезни в русской ЯКМ свидетельствует и наличие в языке устойчивого сочетания «приковать к постели», отмеченное в иллюстративном материале БТС:

ПРИКОВАТЬ <...> 2. кого. Заставить оставаться в неподвижном положении, на определённом месте. *Болезнь приковала к постели, койке.* <...>.

Если раньше дом и постель воспринимались как средства, помогающие побороть *болезнь*, облегчить муки больного, то после 2019 года из-за введения карантина произошел всплеск словотворчества и создания текстов, в которых коронавирус стал ассоциироваться с домом в другом ключе. Дом воспринимался не только как место, которое может уберечь человека от заражения, помочь ему выздороветь, но и как место

вынужденной изоляции. В связи с этим возникли негативные и ироничные коннотации у лексем, связанных с этим микроконцептом. К таким лексемам мы относим следующие статьи из «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»: *вжоперти, дачаизоляция, дивановирус, диванстрация, домасиделец, домоизоляция, домосек, заквартирье, наружжа, наружать, наружение, сидидомец, хоумсексуал*.

Отметим лексемы, демонстрирующие представление о пространстве в наивном сознании, которое делится на *своё* — то, что находится в доме, и на *чужое* — то, что находится за домом, снаружи. Второе воспринимается как нечто опасное, заразное, представляющее угрозу для жизни и здоровья. Здесь выделяются неологизмы: *заквартирье, наружжа, наружать, наружение*. Такое словотворчество может быть следствием архетипичных представлений о круге (круг — аналог квартиры, дома). Круг — один из наиболее значимых славянских мифопоэтических символов, отражающий представления об основных формах структурирования пространства (деление на «своё — чужое», где круг — граница охраняемого пространства) [19].

С другой стороны, анализируемый словарь даёт следующую словообразовательную мотивацию лексемы *заквартирье*.

Контаминация: **зазеркалье** (о месте, где положение вещей доведено до бессмыслицы, абсурда) + **квартира**. <...>.

«Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой предлагает толкование лексемы *зазеркалье*, мотивирующей *заквартирье*.

зазеркалье ср. 1. Некая невидимая и непонятная для непосвященных область жизни и деятельности (в том числе и общественной), где положение вещей может быть доведено до бессмыслицы, до абсурда. <...>.

Возникновение лексемы *заквартирье* показывает, что во время пандемии окружающий мир казался не только опасным, но и абсурдным, непонятным.

Следующим ЛСП, которое актуализировалось, стал поле «**обман/ложь**». Как и в случае с *домом*, *обман* уже был частью концепта *болезнь*. Однако лексем с такой семантикой были на дальней периферии представленного концепта и не находили такого активного воплощения в языке. В это поле попадают следующие единицы: *квазикарантин, ковид-диссидент, ковидоотрицал, ковидо-отрицание, корона-атеист, коронавера, коронавирус-диссидент, коронагностик, коронафейк, лоховирус, макаронивирус, пандемия, псевдокоронавирус, псевдоэпидемия, фейковирус, фейкодемия, фейкопидемия, фуфловакцина, фуфломир, фуфловирус, фуфлодемик, фуфло-карантин, фуфлоковид, фуфлопандемия, фуфлопидемия*. Многие из представленных лексем образованы путём контаминации слов, связанных с *болезнью* и единиц, обозначающих лживую, непроверенную информацию: *фуфло, квази..., псевдо..., фейк*. Наличие в этом ряду слов, образованных на основе жаргонных единиц (*лоховирус, фуфло-*) указывает на резко негативное отношение носителей русской культуры к пандемии и к тем, кто серьёзно относится к мерам защиты от вируса и к самому его существованию. Вирус воспринимается как что-то незначительное, выдуманное или же, наоборот, спланированное и созданное как биологическое оружие (*пандемия*), поэтому и все рекомендации врачей, информация из медицинских журналов, новостей, от организаций, занимающихся вопросами здоровья — обман и ложь. Динамика восприятия *болезни* обнаруживается в лексеме *ковид-диссидент*, созданной по аналогии со словом *вич-диссидент*. Отрицание доказанных наукой болезней существовало и ранее, однако теперь фокус внимания сместился на новый вирус.

Следующий элемент в структуре концепта — зона языковых единиц, связанных с микроконцептом «**маска**». До пандемии коронавируса связь *болезни* и *маски* не рождала никаких негативных коннотаций, маска воспринималась только как средство индивидуальной защиты. Теперь же маска неразрывно связана с коронавирусом и концептом *болезнь*. В лексико-семантическое поле «**маска**» попали следующие единицы:

голомордый, голоносик, замасочник, антимасочник, маскарад, маска-ушанка, маскер, маски-шоу, маскобесие, маскозакидательство, маскоистерия, маскомания, маскомода, масконос, маскопанника, маскофил, масочник-перчаточник, масочничество, медмаски-шоу, намордник. В этом поле обнаруживаются семантически противоположные группы. Первая — группа единиц с негативной коннотацией по отношению к тому, кто носит маски (*маскобесие, маскоистерия, маскомания, маскомода, масконос, маскопанника, маскофил, масочник-перчаточник, масочничество, медмаски-шоу, намордник*). Эта группа по смыслу сближается с предыдущем полем или микроконцептом «обман» и показывает недоверие населения к такой мере защиты и к существованию вируса. Вторая — единицы, содержащие элемент иронии и созданные для порицания тех, кто не носит маски, и, следовательно, распространяет вирус (*голомордый, голоносик, антимасочник, маскозакидательство*). Какие могут быть причины того, что закон, предписывающий обязательное ношение медицинской маски в общественных местах, вызвал столь негативную реакцию у россиян? В русской языковой картине мира концепт *маска* имеет несколько аспектов. Маска может символизировать сокрытие истинных чувств и намерений, что находит отражение в выражениях типа *носить маску, снять/сорвать маску*. Это связано с представлением о том, что люди могут скрывать свои истинные эмоции и намерения под маской вежливости, дружелюбия или равнодушия. Ю. С. Степанов в «Словаре русской культуры» описывает концепт *личность* и объясняет его связь с концептом *лицо* следующим образом: «...индивидуальность человека, его неповторимость связана с его индивидуальным внешним ликом, обликом» [24, с. 568]. Это значит, что вынужденное сокрытие лица под маской лишает человека его индивидуальности, уничтожает его персону. Человек теряет своё лицо, а, значит, и образ, он становится *безобразен*, следовательно, отречён от Бога, так как создан по его образу и подобию. Такое объяснение имеет право на существование, поскольку нельзя отрицать влияние христианской философии на формирование русской языковой картины мира.

Негативное отношение к маскам демонстрирует и семантический неологизм *намордник*. В БТС дано единственно возможно использование этого слова только по отношению к животным:

НАМОРДНИК, -а; м. 1. Ременная или проволочная сетка, надеваемая на морду собак и некоторых других **животных**. <...>.

Концепт *болезнь* в русской ЯКМ представляет собой сложное и динамичное явление, включающее физиологические и метафорические аспекты. Его ядро остаётся неизменным, но структура и ассоциативно-семантическое поле эволюционируют, отражая изменения в обществе, науке и культуре. Частью концепта являются профилактика болезней, причины заболеваний и отношение к врачам, часто окрашенное недоверием и фатализмом. В «доковидную эпоху» динамика концепта проявлялась в переносных значениях, а пандемия COVID-19 актуализировала микроконцепты *дом, обман* и *маска*. Таким образом, неологизмы отражают изменения в восприятии болезни и демонстрируют, как язык фиксирует глобальные кризисы. Исследование концепта *болезнь* позволяет глубже понять взаимосвязь языка, культуры и социальных трансформаций в условиях меняющегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активный словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки славянской культуры, 2014 — С. 311.
2. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян. М., 1974. — С. 57.
3. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
4. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы русского народа. — СПб.: Издат. дом «Нева», 2005. — 573 с.

5. Даль, В. И. Пословицы русского народа. — М.: АСТ, 2003. — 734 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Рус. яз., 2000. — Т. 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.efremovaislovari.ru>
7. Гончарова, О. М. Богородичные черты русской женственности в одах М. В. Ломоносова // Культура и текст. 2005. №9. — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bogorodichnye-cherty-russkoy-zhenstvennosti-v-odah-m-v-lomonosova>
8. Грибер, Ю. А., Юнг И. Л. Здоровье и болезнь: цветовые ассоциации в современной русской культуре // Человек и культура. 2018. №5. — С. 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zdorovie-i-bolezn-tsvetovye-assotsiatsii-v-sovremennoy-russkoy-kulture>
9. Жалость // Азбучные истины / сост. М.К. Головановская. — М.: Clever, 2016. — С. 12.
10. Кадушина, О. И. Ещё раз о символике желтого цвета в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / О. И. Кадушина. — Текст: электронный // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых / Уральский федеральный университет. — Екатеринбург: УрФУ, 2019. — С. 3. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/74360>
11. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты. — Гнозис, 2004. — С. 4.
12. Козырев, В. А., Черняк В. Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший монография. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. — С. 170.
13. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — С. 770.
14. Маркович, В. М. О «трагическом значении любви» в повестях И.С. Тургенева 1850-х годов: Предварительные замечания // Поэтика русской литературы: [сб. ст.: к 70-летию Ю. В. Манна / Рос. гос. гуманитар. ун-т; редкол.: Н. Д. Тмарченко (отв. ред.) и др.]. — М.: РГГУ, 2001. — С. 278.
15. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х тт. — М., 1994. Т. 1–2.
16. Мокиенко, В. М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц / Междунар. ассоц. препод. рус. яз. и лит., Рос. о-во препод. рус. яз. и лит., С.-Петерб. гос. ун-т, Межкаф. слов. каб. им. проф. Б. А. Ларина; под общ. ред. В. М. Мокиенко. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 1024 с.
17. Полежаева, С. С. Семантика цветовой и звуковой символики образов в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / С. С. Полежаева // Роман Ф.М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры : материалы Всероссийской научной конференции, Липецк, 10–12 октября 2022 года. — Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. — С. 173.
18. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. — М.: Астрель: АСТ, 2002. — Т. II. От реакции к стимулу: более 100 000 реакций. — 992 с.
19. Славянская мифология: энциклопедический словарь. — 2 е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2019. — 512 с.
20. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: [в 6 ч. :51 388 слов]. — СПб., 1806–1822. — Ч. 1–6.
21. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. — М.: Изд-во Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 2004. — 792 с.
22. Сергеева, Е. В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006, № 5. Томск, 2006. — С. 1.
23. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М.Н. Приемышева; ред. колл. Е. С. Громенко, А. С. Павлова, Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.
24. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. — М.: Академ. Проект, 2004. — С. 42, 568.
25. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. С. Ушакова. — М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2007.
26. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Под ред. Г. Н. Складневской. Российская Академия наук, Институт лингвистических исследований РАН. — СПб: Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. — 700 с.
27. Черных, В. В. Культ огня в мировоззренческой основе народов Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. №1. — С. 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kult-ognya-v-mirovoznrencheskoy-osnove-narodov-drevney-rusi>
28. Черняк, В. Д. Концептуализация мира в современной лексикографии // Когнитивные исследования языка. 2014, № 18. — С. 2.

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.

THE CONCEPT OF *DISEASE* IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW: DYNAMICS OF PERCEPTION

The article explores the concept of *disease* in the Russian linguistic worldview, tracing its evolution and transformation. Disease is examined as both a physiological and metaphorical phenomenon, reflecting shifts in society, science, and culture. Special attention is given to the impact of epidemics and pandemics on the perception of the concept. The analysis of explanatory, historical, associative, and phraseological dictionaries reveals the dynamics of linguistic changes. Neologisms related to the microconcepts of *home*, *deception*, and *mask*, emerging during the COVID-19 pandemic, are also discussed. The author demonstrates how language captures social and cultural transformations, highlighting the interplay between language, culture, and societal change through the lens of the *disease* concept.

Key words: *concept, linguistic worldview, lexicography, explanatory dictionaries, dictionaries of new words, neologisms, phraseology.*

Кулакова Анастасия Романовна

Институт лингвистических исследований РАН,
г. Санкт-Петербург, РФ.
Лаборант, соискатель.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Kulakova Anastasiia Romanovna.

The Institute for Linguistic Studies Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg, RF.
Laboratory assistant, postgraduate student.
E-mail: anastasiafr12102000@gmail.com

Салмина Диана Валентиновна.

Кандидат филологических наук.
РГПУ им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

Salmina Diana Valentinovna.

Herzen University, St. Petersburg, RF.
Candidate of Philology, associate Professor of the
Department of Russian Language.
E-mail: diana.salminad.salmina@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI:

В. А. Яковлева © 2025

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Е. В. Кузнецова)

ЯВЛЕНИЕ «УДЛИНЕНИЯ» ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье обосновываются причины образования от коротких в отношении звукового состава междометий более длинных версий с изменёнными оттенками значений. Данный процесс противоречит назначению эмоциональных междометий — быстрой реакции на происходящее. Обоснование причин явления производится благодаря нахождению связи между морфемным составом междометий и изменением их значений, а также оттенков значений. Результат состоит в выявлении принципов варьирования значений эмоциональных междометий при редупликации производящей основы и при суффиксации. Кроме того, установлена наиболее часто используемая категория суффиксов для образования междометий: уменьшительно-ласкательные. Материалом для исследования послужила лексика, отобранная из диалектных словарей русских говоров.

Ключевые слова: *диалектизм, интонация, междометие, экспрессивность, эмоциональность.*

Изменение окружающего мира, различные события вызывают у человека реакцию, при этом данная реакция подлечит вербальному или невербальному выражению в силу социального характера природы человека. Наиболее привычный для большинства людей способ — вербальный. Для этого используются междометия: «часть речи, образованная неизменяемыми словами, которые служат для выражения различных чувств, эмоциональных оценок, реакций» [5, с. 199]. Кроме того, к междометиям причисляют звукоподражания, но в данной статье они не входят в круг рассматриваемых лексем.